Э. И. КОЛЧИНСКИЙ

**ИСТОРИЯ БИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В ОБЩЕСТВЕ КАЙЗЕРА ВИЛЬГЕЛЬМА
ПРИ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМЕ**

(обзор новейшей литературы)*

Общество Кайзера Вильгельма – Общество Макса Планка (далее ОКВ или ОМП) уже почти сто лет является одним из главных центров развития мировой науки. Подавляющее большинство немецких лауреатов Нобелевской премии, с именами которых связаны фундаментальные открытия в области физики, химии, биохимии и биологии, были директорами или сотрудниками институтов ОКВ. Этот факт сам по себе привлекает внимание многих историков науки, пытавшихся осмыслить особенности организации ОКВ и их влияние на успехи в столь различных отраслях знания. Не менее интересен опыт руководства ОКВ в сохранении основ научно-исследовательской деятельности на протяжении бурной истории Германии в XX в., связанной с сокрушительными поражениями в двух мировых войнах, повлекшими за собой глобальные социально-политические, экономические и идеологические кризисы и неоднократные смены правящих элит. Тем не менее ОКВ удавалось в периоды кризисов не только сохранять научный потенциал, но приумножать его, успешно функционируя при всех режимах – от Германской империи до ФРГ, – демонстрируя громадные адаптационные способности и умелое сочетание консерватизма с инновациями, как в самих научных исследованиях, так и в институциональной политике.

Особенно поразителен феномен процветания ОКВ при национал-социализме, ставший предметом ряда фундаментальных историко-научных исследований последних десятилетий, начало которым положила коллективная монография под редакцией Р. Фирхауса и Б. фом Брокке ¹. Содержательный анализ развития науки в ОКВ в годы национал-социалистической Германии с учетом его предшествовавшей истории дан в книге К. Макракис ². Позднее при президенте Общества Макса Планка (так ОКВ стало называться после войны), была создана специальная комиссия, изучающая историю этого ведущего научного учреждения Германии при национал-социалистах. В 2000 г. комиссия начала публикацию многотомной серии под общим названием «История Общества Кайзера Вильгельма при национал-социализме» (*Geschichte der Kaiser-Wilhelm-Gesellschaft in Nationalsozialismus*, общая редакция Р. Пюрупа и

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Грант № 04-06-80437.

¹ *Forschung im Spannungsfeld von Politik und Gesellschaft-Geschichte und Struktur der Kaiser-Wilhelm / Max-Planck-Gesellschaft* / Hg. R. Vierhaus & B. vom Brocke. Stuttgart, 1990.

² *Macrakis, K. Surviving the Swastika: Scientific Research in Nazi Germany*. Cambridge (MA), 1993.

В. Шидера). Под редакцией Д. Кауфман были опубликованы две части первого тома³, где дан обзор состояния этой темы и намечены перспективы будущих исследований. В ряде статей рассматривались расово-гигиенические, антропологические, селекционные, генетические и медицинские исследования, связанные с идеологией и практикой национал-социализма. Рецензия на эту книгу была опубликована в журнале «Науковедение»⁴.

В последующие годы в рамках этой программы издательство «Wallstein» в Геттингене напечатало еще 9 фундаментальных томов, освещавших как отдельные стороны деятельности Общества Кайзера Вильгельма в области биологии, так и жизненные перипетии ее наиболее крупных представителей. Две трети из них посвящены проблемам взаимоотношения биологии и власти в эпоху национал-социализма. Такой биологизаторский крен отнюдь не случаен, так как руководители Третьего рейха, не только уделяли огромное внимание развитию наук о жизни, но и пропагандировали лозунг «Национал-социализм – это биология в практике».

Биология Третьего рейха была главной отраслью естествознания, из которой власти черпали свои идеи, концепции, методы управления, а биологическая терминология и ее метафоры составляли существенную часть нацистской идеологии и политики. В политический язык вошли понятия «раса», «вид», «гибридизация», «борьба за существование», «здоровье народа», «наследственное здоровье», «кровь», «тело», «эвтаназия», «стерилизация» и т. д. Это неизбежно вовлекало всю биологию и медицину в повседневную политическую жизнь, делая их причастными к установлению «гармонии между духом и расой». Изменения в мировоззрении и политических взглядах многих биологов, происшедшие в 1920-е гг., облегчали им принятие нацизма. Они легко идентифицировали себя с национал-социалистической идеологией и, выступая экспертами в разработке законов об эвтаназии и насильственной стерилизации, в опытах над заключенными, в массовых уничтожениях евреев, а также поляков, белорусов и русских на оккупированных территориях, продемонстрировали уникальное сочетание модернизма в науке, технике и организации исследований с диким варварством. Биологическое сообщество Германии в целом смогло продолжать начатые до 1933 г. работы благодаря выбранному ее членами стилю политического поведения, которое М. Уолкер определил относительно немецких физиков как компромисс и сотрудничество.

Главная цель каждой из рецензируемых книг состояла в критическом и всеобъемлющем изучении отношения одного из наиболее авторитетных научных сообществ Германии к национал-социализму и оценке результатов его научно-исследовательской деятельности в условиях тоталитарного режима Третьего рейха. Большинство работ выполнено в рамках методологии *case study*, что позволило и авторам и составителям отдельных коллективных монографий дать более разностороннюю и всеобъемлющую картину развития биологического сообщества в социально-культурном контексте Третьего рейха. При этом наблюдается значительный параллелизм в разных книгах. Нередко проблемы, освещаемые в рамках отдельных статей того или иного

³ Geschichte der Kaiser-Wilhelm-Gesellschaft im Nationalsozialismus. Bestandsaufnahme und Perspektiven der Forschung / Hg. D. Kaufmann. Bd. 1–2. Göttingen, 2000.

⁴ Науковедение. 2001. № 3. С. 226–230.

тома, получают монографическое исследование в специальных книгах. Предметом исследования многих из них являются судьбы отдельных ученых.

Руководителям проекта и редакторам отдельных книг удалось объединить на базе общей исследовательской программы несколько десятков авторов из разных стран, подавляющее большинство которых являются общепризнанными специалистами по истории немецкой науки в период Веймарской республики и гитлеровской Германии. В центре их работ находятся проблемы реконструкции специфических политических, социальных, экономических и культурных условий для формирования, организации и практики научного знания и его использования во времена Третьего рейха. В них рассматриваются вопросы преемственности и модификации в формах кооперации между государством, промышленностью, армией и научными исследованиями в первой половине XX в., а также сдвиги в мировоззрении и политических взглядах ученых и инженеров, приведшие к комбинации модернистических воззрений с самым диким варварством. При этом в каждой книге обсуждаются три группы проблем. Во-первых, какую роль та или иная отрасль биологии и ее представители сыграли для оправдания и реализации политики национал-социалистов, а также в какой мере и в каком контексте руководители национал-социализма использовали их для достижения своих целей? Во-вторых, в какой мере сами ученые использовали с выгодой для себя систему национал-социализма, прежде всего для развертывания исследований, которые стали возможны лишь в специфических политических, социальных, экономических и культурных условиях, существовавших при национал-социализме? В-третьих, какую роль ученые эксперты из ОКВ и их знания играли при обсуждении и формировании национал-социалистической политики, и использовалась ли научная экспертиза для наиболее эффективного достижения имевшихся задач или игнорировалась? Какие организации и группы в руководстве нацистов советовались с учеными, а также в какой мере ученые не только советовали, но и были причастны к преступлениям нацистов, составляли инструкции по уничтожению людей, проводили летальные эксперименты над людьми, участвовали в «германизации» оккупированных территорий и т. д., становясь проектировщиками уничтожения? Так называли С. Хайм и Г. Али демографов, статистиков, географов, историков, фольклористов и т. д., которые в своих трудах планировали уничтожение целых народов в Восточной Европе.

Немалое место в рецензируемых изданиях занимают вопросы, активно обсуждавшиеся в историко-научной литературе последнего десятилетия. Как немецкие биологи относились к «модерну» и «модернизации»? Какова, по классификации Ф. К. Рингера, судьба «мандаринов»⁵ и прагматиков-экспертов? Почему они все внешне столь единодушно поддерживали национал-социализм? Существовал ли особый стиль немецкой биологии? Насколько отличалась наука в Германии и в либерально-демократических странах Запада, прежде всего США в период увеличивающейся специализации и профессионализации? Почему среди немецких биологов доминировали расово-гигиенические,

---

⁵ Так со времен М. Вебера стали иронически называть немецкую профессуру конца XIX – начала XX вв., находившуюся, как правило, на государственной службе и сравниваемую поэтому с китайскими чиновниками – мандаринами. Формировалась она большей частью из представителей образованных кругов среднего класса (Bildungsbürgertum). Но до книги Рингера подобное название не было общепринятым.

евгенические и расологические воззрения, сопровождаемые изрядной долей антисемитизма? В какой мере биологи смогли сохранить свободу исследования в условиях «аризации», «нацификации» и «милитаризации» («Arisierung», «Nazifizierung», «Militarisierung»), когда руководство институтами, научными обществами, академиями и университетами перешло в руки национал-социалистов, которые со своей стороны пытались как-то утвердиться между министерствами и партийными организациями во все возрастающем хаосе политической системы Третьего рейха? Как менялось отношение биологов к политике и государству, которое выдвигало перед ними все новые и новые требования? Как на развитии биологии отразилось то, что карьера ученых с 1933 г. определялась не столько научной квалификацией, сколько политическими взглядами?

История конкретных отраслей знания при национал-социализме свидетельствует, что должны анализироваться связанные друг с другом различные уровни научной реальности: результаты научного познания, соответственно научная практика, специфические формы организации знания и науки и сама национал-социалистическая политика. Здесь, прежде всего, речь идет о снятии запретов на умерщвление людей, в результате чего заключенные, военнопленные, больные и обитатели сумасшедших домов превратились в экспериментальный материал для антропологов, биологов, медиков, психиатров и генетиков. И этим занимались отнюдь не псевдонаучные садисты, а уважаемые специалисты, которые спокойно использовали предоставившиеся им возможности для проведения до того невообразимых экспериментов при решении вопросов, поставленных в рамках существовавшего тогда международно-го научного сообщества.

В книге «*Автаркия и восточная экспансия. Растениеводство и аграрные исследования при национал-социализме*»⁶, подготовленной под редакцией Сюзанны Хайм, участвуют 12 авторов. Предметом их анализа стала до сего времени мало исследованная история растениеводства и селекции в институтах ОКВ. На их примерах прослежено, как при переходе от политики автаркии к военной экспансии на восток менялись исследовательские установки ученых, проблемы и методы в области растениеводства и морской гидробиологии.

Историческим фоном проведенного исследования стал анализ возникновения растениеводства как академической дисциплины в Германской империи и Веймарской республике (Дж. Харвуд) и регулирования аграрных исследований в Германии, США и в СССР (М. Флитнер). В их статьях показано, что Первая мировая война выявила необходимость развивать отрасли генетики, связанные с решением прикладных проблем сельского хозяйства. К тому времени селекция высокоурожайных сортов культурных растений приобрела особое значение, так как плодородие почв неуклонно снижалось, а удобрения не могли остановить этот процесс. Уже в 1917 г. Э. Баур обратился в ОКВ с предложением основать институт для разработки на базе современной генетики проблем селекции культурных растений с целью повышения урожайности, содержания масла, волокна у существующих сортов, а также создания новых полезных растений. Главной целью деятельности института было дости-

⁶ Autarkie und Ostexpansion. Pflanzenzucht und Agrarforschung in Nationalsozialismus / Hg. S. Heim. Göttingen: Wallstein Verlag, 2002. 306 S.

жение сельскохозяйственной независимости Германии. Баур предполагал также, что будущий институт должен быть дополнен сетью опытных селекционных станций в разных частях Германии, а также в ее колониях. Фактически это предложение предвосхищало будущие действия Н. И. Вавилова в СССР. Поражение Германии, потеря колоний и затяжной экономический кризис сняли предложения Баура с повестки дня.

Но Баур продолжал добиваться перехода к политике автаркии, доказывая необходимость независимости Германии от импорта продовольствия и сырья и полагая, что базирующиеся на современной методике растениеводство и селекция культурных растений будут способствовать достижению этой цели. Так, жирами и белками, по его мнению, Германия могла обеспечить себя буквально за несколько лет. Оптимизм Баура подкрепляли результаты работ его ассистента Р. Зенгбуша, который создал новую методику быстрого определения процентного содержания жира в люпине. Кроме того, он не раз указывал на отставание Германии в этой области от США и СССР. В 1929 г. Баур посетил ВИР в Ленинграде и пришел к выводу, что СССР – лидер в области селекции растений и прикладной генетики. Как и Вавилов, Баур и его сотрудники ездили для сбора семян культурных и диких растений в Турцию (1926–1928), Испанию (1928), Южную Америку (1930–1931). Успехи США также были для немецких генетиков путеводной звездой в практическом использовании достижений их науки для обеспечения Германии продовольствием.

В 1928 г. сенат ОКВ создал специально для Баура Институт селекции ОКВ в Мюнхеберге. Это было удачное решение ОКВ, так как Баур умело совмещал фундаментальные и практические исследования, а из генетиков обладал наиболее широкой амплитудой научных интересов, начиная от проблем эволюционного значения малых мутаций до решения сугубо сельскохозяйственных проблем. Практически с первых дней на посту директора Баур столкнулся с громадными финансовыми трудностями из-за начавшегося нового экономического кризиса, что заставляло его продолжать доказывать властям и обществу огромное экономическое и военно-политическое значение селекционно-генетических исследований.

В статьях И. Штоер и С. Хайм показано, что национал-социалистическая колониальная политика первоначально была связана с консервативными представлениями о «внутренней колонизации», однако вскоре ее заменила концепция, нацеленная на экспансию и устройство «нового порядка» на захваченных территориях. Реализация этой политики началась уже в 1939 г. на захваченных польских территориях. Одним из главных авторов документа «Генеральный план Ост – правовые, экономические и территориальные принципы» (Ost – Восток), разработанного для преобразования в интересах Германии огромных пространств от Одера до Урала, стал профессор, обергруппенфюрер (генерал) СС К. Мейер. Согласно этому документу новые поселения должны быть созданы под контролем СС и заселены людьми, прошедшими расовую селекцию по разработанному генетиками плану. Реализация плана «Ост» должна была стать частью политики германизации на Востоке: окончательное решение еврейского вопроса, экспроприация огромных территорий и выселение с них миллионов граждан СССР, Польши и других стран, нежелательных в расовом отношении. Составной частью этого плана был проект возвращения всей природы Германии в дикое состояние, тогда как завоеванные на Востоке территории должны были стать зоной интенсив-

ного сельского хозяйства. Мейер писал, что его план нацелен на «создание здоровой структуры общества и преобразование жизненного пространства в соответствии с требованиями тевтонской расы».

Г. Баске, статс-секретарь Имперского министерства продовольствия и сельского хозяйства, член сената ОКВ, а с 1941 по 1945 гг. его вице-президент, отвечал за координацию сельскохозяйственных исследований в четырехлетнем плане и за снабжение армии продовольствием. Позднее он сменил Р. В. О. Дарре на посту главы министерства и рейхсфюрера крестьян. Баске был убежденным нацистом и не скрывал своих планов по уничтожению жителей СССР ввиду нехватки продовольствия, став одним из главных инициаторов политики массовых убийств на восточных территориях. Столь кроваво-жадные планы не шокировали руководство ОКВ, считавшее сотрудничество с Баске крайне желательным. Об этом бывший генеральный директор ОКВ Э. Тельшов не смущался заявлять даже в 1949 г.

Однако не только руководители ОКВ, но многие ведущие биологи участвовали в реорганизации биологических исследований на оккупированных территориях. Об этом подробно говорится в статьях Б. Гауземейера, М. Зафири, С. Медукки. Многие всемирно известные сельскохозяйственные и селекционные станции, включая созданные Н. И. Вавиловым, оказались в руках немецких биологов, которые свозили в Германию уникальный сортовой материал растений, ценные породы животных и коллекции диких форм культурных растений. Директор Института биологии ОКВ, генетик Ф. фон Веттштейн лично подготовил записку об огромном значении этих коллекций для немецкой науки. Он предложил, чтобы созданные Вавиловым учреждения вошли в структуру ОКВ. Его поддержал директор Института селекции ОКВ В. Рудорф, который обратился с соответствующим предложением к министру восточных оккупированных территорий А. Розенбергу. Оба были уверены, что немцы по праву могут распоряжаться наукой захваченных ими стран. Все эти шаги Веттштейн и Рудорф предпринимали тогда, когда насильственное переселение советских людей и окончательное решение еврейского вопроса было реальностью, что не мешало им использовать сложившуюся ситуацию в интересах ОКВ.

И в этом их поведение фактически ничем не отличалось от действий сорудника общества СС «Наследие предков», специалиста в области генетики растений и их гибридизации Г. Брюхера, который, по мнению У. Хоссфельда и К. Г. Торнштрема, добился наибольших успехов в рамках «команды по сбору ботанического материала». Весной 1943 г. Брюхер разработал проект сбора, точнее, грабежа уникального селекционного материала, хранившегося в сельскохозяйственных научных учреждениях СССР. План одобрил Гиммлер, который считал, что институты ОКВ не справились с этой задачей, а итоги зимней кампании 1942–1943 гг. заставляли спешить, так как стремительное наступление русских означало, что вскоре эти селекционные станции и растениеводческие институты на Юге СССР станут недоступны немецким войскам. Летом 1943 г. Брюхер в сопровождении ботаника К. фон Рауха и военных частей СС посетил 18 растениеводческих станций и институтов на Украине и в Крыму, откуда вывез ценные генетические коллекции, собранные по инициативе Н. И. Вавилова его сотрудниками. Параллельно они проводили сбор дикорастущих зерновых и плодовых растений на оккупированных территориях СССР. Проект Брюхера был в числе немногих начинаний институтов ОКВ в

области растениеводства, закончившихся удачно. Благодаря своим грабительским сборам Брюхер занял ведущие позиции в области прикладной ботаники. Гиммлер и Геринг поручили ему культивировать наследственно резистентные, морозо- и засухоустойчивые формы культурных растений для восточных территорий. Весной 1944 г. Брюхер высеял тысячи сортов ячменя, пшеницы и овса из тибетского сбора Э. Шевера, а также из семян, захваченных в СССР и культивируемых в Германии. Конечной целью этих посевов было выведение новых болезнестойчивых и высокопродуктивных сортов за счет использования генетического материала дикорастущих форм. Другая его работа была связана с культивированием масличного растения *Lafi*, масло которого уже в декабре 1944 г. он передал Гиммлеру для использования в промышленных целях.

Аналогичная акция Э. Шеффера на Кавказе завершилась провалом. В целом, таковой же была судьба всего плана. Из-за поражения Германии Брюхер не успел воспользоваться захваченным селекционным материалом для выведения новых сортов культурных растений, которые, как он надеялся, обеспечат продовольственную автаркию Германии. В феврале 1945 г. он получил распоряжение от В. Сиверса уничтожить весь опытный материал, чтобы он не попал в руки врагов.

В рамках четырехлетнего плана финансировались исследования по гидробиологии, изучению растительного волокна и др., а также был создан новый тип институтов ОКВ с особым статусом на оккупированных территориях. Им было предписано способствовать сотрудничеству с местными учеными и использованию местных ресурсов. Это означало ограбление оккупированных территорий, вывоз семенного фонда, ценных сортов растений, пород животных и оборудования. Сами их названия имели вполне академический характер (Сельскохозяйственный, Ботанический и т. д.), демонстрируя амбивалентность научного сообщества ОКВ относительно новых учреждений и типа кооперации с национал-социалистическим государством, которое они представляли (С. Хайм). После того как началась война, три новых института сельского хозяйства и биологии были основаны в Бреслау, Софии и Афинах. Еще один институт планировали создать в Венгрии.

Ботанические экспедиции, организуемые ОКВ для изучения культурных растений, были частью плана «Ост», и средства для них запрашивали со ссылками на необходимость реализовать политические цели германизации оккупированных территорий. Об этом прямо писали в заявках на проведение экспедиций в 1941–1942 гг. на территории Греции и Албании. В Вене был создан большой Институт культурных растений, который возглавил известный генетик Г. Штуббе, будущий президент Академии сельскохозяйственных наук ГДР. По проекту Ф. фон Веттштейна, поддержанному Г. Баске и К. Мейером, институт должен был стать центром обширной сети селекционных растениеводческих станций от Крайнего Севера до Средиземного моря и от Атлантики до континентальных районов на Востоке. Сам Г. Штуббе в 1942 г. писал, что поиск селекционного материала в малоисследованных горных местностях Балкан важен для выведения сортов, устойчивых к экстремальным условиям новых восточных территорий Германии. Экспедиции, снаряженные ОКВ, проходили на оккупированных немецкими и итальянскими войсками территориях и могли работать только под охраной военных. В немецких газетах результаты экспедиций преподносились как прекрасный пример сотрудничест-

ва науки с немецкой и итальянской армиями: ученые получили доступ в важный центр происхождения культурных растений, после того как германская армия завоевала его. «Здесь наука следует по пятам победоносной армии», обеспечивая продовольственную безопасность Германии, – писали немецкие газеты в те дни.

Основной вывод всех авторов данного тома сводится к тому, что сформулированная генетиками и ботаниками ОКВ задача использования научных ресурсов СССР для селекции высокоурожайных сортов зерна фактически была частью обширного плана по германизации восточных территорий с целью расширения жизненного пространства рейха. На примере биографий Э. Шиманн Э. Шайх рассматривает положение женщин в науке в условиях усиления доминирования военной тематики. М. Шюринг стремился показать безрадостную жизнь эмигранта М. Уфера и трудности его возвращения в Институт селекции Макса Планка, ситуация в котором не слишком изменилась и после 1945 г.

Близкая проблематика обсуждается и в персональной монографии С. Хайм «Калории, каучук, карьеры. Растениеводство и сельскохозяйственные исследования в институтах Общества Кайзера Вильгельма в 1933–1945 гг.»⁷. По ее мнению, эти три понятия никак не связаны с идеологией «крови и почвы» или аграрной романтики, которые обычно считают типичными признаками национал-социалистической политики в области сельского хозяйства. Фактически С. Хайм говорит не о мифических представлениях немецкого крестьянства, пропагандируемых руководителями Третьего рейха, а о разнообразных попытках при помощи науки сделать континентальную Европу независимой от импорта заокеанского сырья. В центре ее внимания проблема науки и войны.

Хайм оценивает как симбиоз сотрудничество национал-социалистического государства, стремящегося к экспансии, с представителями естественных наук в ОКВ, специализировавшихся в области сельскохозяйственных наук и физиологии питания. Она показывает приспособление исследовательских задач к военным целям и экспансионистской политике, а также совместную работу ученых ОКВ и СС по селекции жиро- и маслосодержащих растений и культивированию каучуконосных растений.

Возглавляемый Рудорфом Институт селекции растений, занимавшийся селекцией жиро- и маслосодержащих растений, приспособленных к восточным территориям, решал задачу их преобразования. Исследования велись с помощью «остарбайтеров». Особое место в сотрудничестве биологов этого института с СС занимали исследования в концлагере Освенциме под личным контролем Гиммлера, получившего от Гитлера задание организовать поиски коксагыза на территории России. Первые экземпляры были найдены в 1941 г. Более 50 заключенных-славян были использованы на плантациях коксагыза. Научную программу с участием ученых из ОКВ и других биологических учреждений Берлина, Люблина, Познани, Эберсвальда, Дрездена (профессора Р. В. Бёме, Г. Вальтер, Г. Капперт, К. Краузе, Л. В. Рис, Ф. Тоблер, Ф. Христиансен-Венигер и др.) курировал Рудорф. Руководил работой глава сельскохозяйственного отдела в Освенциме штурмбаннфюрер (майор) СС Й. Цезарь. Помимо него из комендатуры лагеря в проекте участвовали химик Р. Вейн-

⁷ Heim, S. Kalorien, Kautschuk, Karrieren. Pflanzenzüchtung und landwirtschaftliche Forschung in Kaiser-Wilhelm-Instituten 1933–1945. Göttingen: Wallstein Verlag, 2003. 280 S.

ман, гауптштурмфюрер (обер-фельдфебель) СС Г. Кудрявцов и оберштурмфюрер (обер-лейтенант) СС Г. Шаттенберг. Созданная в лагере селекционная станция всецело сконцентрировалась на изучении свойств кок-сагыза и выведении его новых сортов с повышенным содержанием каучука. Несмотря на столь мощную концентрацию интеллектуальных и материально-людских ресурсов, работа, продолжавшаяся до конца Третьего рейха, не дала ожидаемых результатов. После войны Рудорф предпочитал не вспоминать о своем сотрудничестве с СС. В книге рассмотрены также биографии Г. Штуббе и К. фон Розенштиеля, которые хотя и не разделяли национал-социалистических взглядов, но предоставили свои знания и таланты на службу Третьему рейху, так как политика экспансии на Восток открыла перед ними огромные возможности для изучения малоисследованных территорий. Это позволило им успешно продолжить научные карьеры и после войны.

Среди опубликованных работ особое место занимает коллективная монография «Расовые исследования в институтах Общества Кайзера Вильгельма до и после 1933 г.»⁸ под редакцией одного из ведущих специалистов в области истории расовой гигиены Г. В. Шмуля. Ему удалось привлечь в соавторы как зрелых, так и относительно молодых специалистов по истории биологии нацистской Германии (П. Вайндлинг, Д. Кауфман, В. Рёльке и др.). Большинство освещаемых в этом томе тем традиционно для исторических работ по биологии в Третьем рейхе. В совокупности коллективный труд дает объемную картину всего спектра отношений биологических учреждений ОКВ и их руководителей к идеологии и практике национал-социалистического режима, проводившего расовую политику уничтожения целых народов и «усовершенствование генетического здоровья немцев» путем насильственной стерилизации и эвтаназии людей, признанных расово неполноценными из-за различных физических и психических отклонений. Поскольку участие ученых ОКВ в проведении расовой и демографической политики нацистов, а также в уничтожении людей уже не раз становилось предметом специального анализа, поэтому авторы стремились представить некоторые новые архивные материалы об участии сотрудников Института психиатрии ОКВ в Мюнхене, Института головного мозга ОКВ и Института антропологии и расовой гигиены ОКВ в Берлине в мероприятиях нацистов по эвтаназии.

Как показано в этом томе, «раса» до прихода нацистов к власти стала предметом исследования в различных институтах ОКВ (Институт селекции, Институт мозга, Институт биологии, Институт психиатрии и др.), связанных с изучением проблем психиатрии, криминальной биологии, генетики человека, антропологии и т. д. Однако, несмотря на некие общие исследовательские установки, в Веймарской республике и Третьем рейхе не было единой расовой концепции. На протяжении нескольких десятилетий существовали конкурировавшие концепции, сторонники которых придерживались различных взглядов на критерии разграничения рас, причины возникновения и изменчивости рас человека, на последствия межрасовых скрещиваний, на наследственность и результаты ее взаимодействия с внешней средой в определении физических, психических и интеллектуальных признаков.

⁸ Rassenforschung an Kaiser-Wilhelm-Instituten vor und nach 1933 / Hg. H.-W. Schmuhl. Göttingen: Wallstein Verlag, 2003. 357 S.

Несмотря на отсутствие единой концепции приход национал-социалистов к власти открыл совершенно новые возможности для расовых исследований. Их результаты и рекомендации отныне сразу учитывались в политической сфере, оказывая влияние на формирование и реализацию правительственных планов. Авторы книги прослеживают различные взаимодействия между политическими и научными практиками и пытаются выяснить, в какой степени национал-социалистическая политика воздействовала на расовые исследования в институтах ОКВ и каково было обратное влияние этих работ на политику. В статьях В. Рёльке, Р. Ветцеля, М. Гагнера, Х. Затцингера, Б. Массина продемонстрировано, что сотрудничество академической биологии с национал-социалистическим режимом – отнюдь не случайное стечение обстоятельств. Уже вскоре после окончания Первой мировой войны сторонники расовой биологии образовали прочный союз с консервативными и праворадикальными кругами. До прихода Гитлера к власти сложились научные взгляды главных представителей расовой гигиены (Э. Рюдина, О. Фишера, Ф. фон Ленца, И. Ланге, Т. Моллисона, П. Ниче, Р. Риттера, О. Ф. фон Фершуера и др.), возникли институты расовой гигиены, евгеники и антропологии типа Института генеалогии и демографии в Мюнхене или Института антропологии, наследственности человека и евгеники ОКВ в Берлине. Позднее расово-гигиенические, генетико-психиатрические и генетические исследования в институтах ОКВ и расовая политика национал-социалистов были тесно связаны друг с другом. Труды Э. Рюдина, Ф. Ленца, И. Ланге, О. Фишера, О. фон Фершуера и других выдающихся генетиков, психиатров, антропологов и расовых гигиенистов оказывали прямое влияние на расовую и демографическую политику нацистов и служили научной основой для разработки расовых законов.

Подлинными символами единства академической науки, нацифицированного университета образования, пропаганды и расовой политики стали Ф. фон Ленц, Э. Рюдин и О. Фишер. Они занимали ведущие посты в институтах ОКВ, кафедры и институты по расовой антропологии и расовой гигиены в Берлинском и Мюнхенском университетах, были экспертами и советниками главных расовых учреждений НСДАП, участвовали в разработке расовых законов, плана «Ост» и т. д. Их исследования стали «научной» основой уничтожения миллионов людей, включая поляков, белорусов, русских. В 1930-х гг. появилась новая волна их учеников и последователей, которые уже полностью были освобождены от всяких рудиментов научной этики и рассматривали человека исключительно как объект расово-генетических манипуляций: психиатр К. Люксембург, антрополог В. Абель, генетик-статистик З. Коллер, генетик Й. Менгеле. Все они были приверженцы классической генетической школы, а некоторые из них прошли стажировку в лучших лабораториях Англии и США. Они все были члены СС и с начала 1940-х гг. стали возглавлять кафедры и институты.

Особая роль в качестве связующего звена двух поколений расовой гигиены принадлежит лидеру немецких психиатров Э. Рюдину. Он был «ключевой фигурой в переходе от традиционной расовой гигиены к последующим поколениям психиатров, преобразовавших ее программу в национал-социалистическую политику в области здравоохранения и демографии». Не случайно Рюдин был назван «психиатр-нацист» (Nazi-Psychiater).

В целом статьи, посвященные расовым исследованиям, подтверждают трактовку национализма как доминирования целенаправленных действий, свобод-

ных от моральных обязательств, но обосновывавших свои действия ссылками на результаты биологии. Однако насколько связан «генезис подобного освобождения» с духом самой науки еще предстоит исследовать. Ясно одно: мероприятия по рациональному планированию общества, включая политику расовой гигиены, берут свое начало в гуманитарных и медико-биологических науках, зародившихся на грани веков, когда во многих отраслях знания формировалась парадигма расовой гигиены. Суть ее заключалась в проведении селективных мероприятий на базе оценки общественной значимости наследственных признаков и медико-биологических норм. Интерпретация общества как некоего «народного тела» и «генофонда» и попытки его разумно организовать, несомненно, выросли из медико-терапевтических мероприятий, с одной стороны, базирующихся на генетически обоснованном и рационально осуществляемом контроле над размножением, а с другой – на допустимости вмешательства в сами процессы наследственности. Проведение генетико-селекционных мероприятий по учету, отбору и уничтожению носителей тех или иных свойств стало возможным при наличии определенных политических, социальных и культурных условий. Их набор был достигнут лишь при национал-социализме и наиболее ярко проявился в мерах по умерщвлению больных.

Готовность биологов к сотрудничеству в реализации расовой политики была вознаграждена. За годы правления нацистов центральное учреждение расовых исследований в Третьем рейхе – Институт антропологии и расовой гигиены ОКВ, возглавляемый О. Фишером, увеличился более чем в два раза. Для него построили новое здание, которое до войны ежегодно посещали десятки ученых из разных стран. Экспансия шла непрерывно даже во время войны. В. Абель возглавил в Институте антропологии ОКВ отдел по изучению расы, занимавшийся изучением наследственной детерминации расовых признаков и проводивший исследования евреев и цыган. Особое место в исследованиях Абеля заняли «рейнские бастарды», расово смешанные дети немецких женщин и франко-африканских солдат, родившиеся во время короткой французской оккупации Рейнской области в начале 1920-х гг., а также мулатов Тринидада и Юго-Западной Африки. Итогом этих исследований стала насильственная стерилизация «рейнских бастардов», экспертами в которой были О. Фишер и Г. Шаде. Здесь были проведены и первые нелегальные стерилизации евреев. В дальнейшем институт способствовал научному оправданию селекции немцев, уничтожению евреев, цыган, поляков, а затем и русских. Вместе с тем здесь продолжали успешно вести обычные, но называемые расовыми исследования по проблемам физической и психической антропологии, генетики расовых морфологических признаков, расовой дактилоскопии, генетики распределения групп крови, палеоантропологии, медицинской генетики, генетики двойников. После ухода Фишера в 1942 г. на пенсию его преемником на посту директора института стал Фершуер. Именно при нем академические исследования в области генетики двойников стали сопровождаться убийствами людей. Вопросы о выселении десятков миллионов людей в Сибирь, превращении «расово неполноценных» славян в рабов, о массовых убийствах и т. д. обсуждали в различных комитетах, в которых участвовали руководители и сотрудники Института антропологии, генетики человека и расовой гигиены ОКВ.

Несколько особняком в этом томе стоят статьи Т. Поттаста и Д. Кауфман. Первая из них посвящена роли понятия «круги рас» в трудах орнитолога

Б. Ренша в переходе от «неоламаркизма» к «неодарвинизму» в эволюционной биологии. Кауфман на примере немецко-американского культурного антрополога Ф. Боаса, пришедшего к взглядам, отличным от антропологов Третьего рейха, стремится показать еще раз международный контекст расово-биологических исследований.

Статья английского историка науки П. Вайндлинга служит связующим звеном с монографией А. фон Шверина «*Экспериментирование на людях. Генетик Ханс Нахтсгейм и сравнительная генетическая патология в 1920–1945 гг.*»⁹. Согласно оценкам Дж. Харвуда, Г. Нахтсгейм вместе с такими выдающимися немецкими генетиками, как Э. Баур, Г. Бауэр, Г. Кукук, Р. Зенгбуш, Э. Кнапп, Р. Шик, Г. Штуббе, относился к числу прагматиков-экспертов, сделавших карьеру до прихода к власти нацистов. Он был одним из инициаторов использования методов сравнительной генетики при изучении наследственной патологии, ставшей частью обширного направления исследований, в рамках которого экспериментальная генетика расширяла арсенал своих методов и по-новому определяла свое место в биологии. Но сравнительная генетика не ограничивалась изучением только патологий у животных и растений. Ее пионеры стремились выйти на вопросы генетики человека, невольно вторгаясь в область евгенических исследований. И здесь их научные интересы совпадали с целями национал-социалистов. Как вспоминал Нахтсгейм в 1954 г.: «Мы модели опытов на животных сумели использовать для изучения генетики человека».

Еще с 1920-х гг. Нахтсгейм проводил исследования наследственных аномалий у животных, преимущественно кроликов. Эти работы продолжались до 1941 г. в Институте генетико-селекционных исследований в Берлинском университете, так как генетика эпилепсии, водянки, катаракты, карликовости, аномалий зубов и т. д. у домашних животных была признана нацистами исключительно важной в военном и идеолого-политическом отношении. В разгар войны он возглавил Отдел экспериментального изучения наследственной патологии в Институте антропологии и расовой гигиены ОКВ. Г. Нахтсгейм был одним из двух сотрудников этого института, не состоявших в НСДАП. В ОКВ он занялся психиатрией, пытался выяснить генетические основы эпилепсии и найти терапевтические способы борьбы с ней. В итоге Нахтсгейм пришел к выводу, о необходимости принудительной стерилизации эпилептиков в интересах здоровья нации. И здесь он беспокоился о здоровье не отдельного человека, а всего народа. Результаты своих опытов по вызыванию эпилепсии у кроликов при помощи инъекции кардиазола Нахтсгейм сравнивал с аналогичными опытами на человеке и находил много параллелей. При этом он никогда не возражал против опытов над людьми. Более того, после войны, отвечая на обвинения физика Р. Хавемана, Нахтсгейм сказал, что в опытах над заключенными был получен очень ценный материал для лечения больных, на который никогда нельзя было рассчитывать в обычных экспериментах над животными. Тем самым он косвенно признал возможность убийства человека ради получения научного результата.

Формирование столь циничного подхода к людям как объекту экспериментирования без границ Шверин пытается объяснить научной карьерой Нахтсгей-

---

⁹ *Schwerin, A. von. Experimentalisierung des Menschen. Der Genetiker Hans Nachtsheim und die Vergleichende Erbpathologie 1920-1945. Göttingen: Wallstein Verlag, 2004. 421 S.*

ма. Она реализовывалась на протяжении четырех сменявших друг друга политических систем Германии, и каждая из них наложила отпечаток на его научное творчество. Имперская Германия, где его учителями и руководителями были Р. Гольдшмидт, Р. Гертвиг и Ф. Дофлейн, сделала его верным апологетом научно-технического прогресса. В Веймарской республике, в условиях политики автаркии, он из зоолога превратился в специалиста по племенным сельскохозяйственным животным, особенно кроликам. С 1921 г. Нахтсгейм работал в Институте изучения наследственности (Institut für Vererbungsforschung) в Высшей сельскохозяйственной школе в Берлине, где вскоре стал профессором генетики. После стажировки в качестве рокфеллеровского стипендиата в США у него появились разносторонние международные связи, позволившие ему успешно исполнять обязанности генерального секретаря на V Международном генетическом конгрессе в Берлине в 1927 г. Наконец, в Третьем рейхе Нахтсгейм обратился к изучению генетики человека. Исход войны предопределил судьбу этого института, который был практически сразу же закрыт. После поражения национал-социалистической Германии он выступал с критикой расовой теории и в конечном счете сохранил позицию в биологическом сообществе Германии как ведущий специалист в области медицинской генетики.

Участник Первой мировой войны, Нахтсгейм придерживался консервативных, националистических взглядов, однако не они определяли его поведение в разных политических системах. Здравомыслие, преданность науке и желание вернуть Германии ведущее место в мировой науке позволило ему примириться с демократией Веймарской республики, затем приветствовать «волю к действиям» национал-социалистического правительства, а потом ратовать за освобождение науки от всякого рода диктаторов. Его поведение было характерно для всех прагматичных генетиков-экспертов, для которых главным всегда оставался прогресс науки в целом и генетики в частности. Это позволяло им сохранять репутацию экспертов и держаться на некотором удалении от политической деятельности.

Путь Нахтсгейма от сельскохозяйственной биологии к генетике человека нельзя представлять ни как реализацию евгенической идеологии, ни как оппортунистическую реакцию на изменившиеся условия исследовательской практики. Хотя он только в 1934 г. обратился к изучению генетики человека, такое изменение исследовательских установок было подготовлено его предшествующими экспериментальными работами по сравнительной генетике пушных животных и кроликов, в ходе которых изучали и генетические патологии. Аполитическое поведение, базировавшееся на технократических установках, позволяло ему естественно-научные данные легко конвертировать в общественные знания, и наоборот. Поскольку в период Веймарской республики Нахтсгейм внедрил генетику в животноводство, ему было нетрудно при нацистах использовать генетику в политических целях. В обоих случаях основу составляла вера в универсальность генетических законов. В дальнейшем он столь же легко отказался от расовой теории и уже в 1946 г. возглавил Институт генетики в Берлинском университете, а в следующем году фактически возродил Институт антропологии ОКВ в Германской академии наук под названием Институт биологии наследственности и наследственной патологии. Далее он возглавлял ряд институтов и кафедр в ФРГ, ратуя за внедрения молекулярных методов в медицинскую генетику, не отказываясь от идей улучшения генофонда человечества.

Книга о лауреате Нобелевской премии А. Бутенандте «Адольф Бутенандт и Общество Кайзера Вильгельма: наука, индустрия и политика в Третьем рейхе»¹⁰ – продукт коллективного труда 11 историков науки. Это позволило дать многогранный анализ деятельности одного из создателей современной биохимии, удостоенного высокой награды в 1937 г. за расшифровку химической структуры половых гормонов. Правда, из-за запрета Гитлера Бутенандт тогда отказался принять награду, которая была вручена ему после войны. Его административная карьера стала успешно развиваться после прихода к власти национал-социалистов, что было связано прежде всего с эмиграцией многих ученых. С 1933 г. он руководил созданным им отделом в Институте химии в Геттингенском университете, а в 1936 г. после эмиграций К. Нейберга возглавил Институт экспериментальной терапии и биохимии в ОКВ. Вместе с В. Гейзенбергом Бутенандта, который в 1960–1972 гг. был президентом ОМП, считали одним из самых выдающихся ученых Третьего рейха и ФРГ. Долгое время он находился вне критики, и его биографии, подготовленные учениками и последователями, исключительно в панегирических тонах освещали его усилия по интеграции науки и взвешенной научной политики при национал-социализме.

Только с середины 1980-х гг. стали появляться материалы о его многолетнем сотрудничестве с О. Ф. фон Фершвером и участии в экспериментах с органами людей, умерщвленных в Освенциме. В частности, указывали на то, что в институте Бутенандта исследовали химический состав крови узников Освенцима, искусственно инфицированных Й. Менгеле. Его даже стали обвинять в том, что он был в центре оборонных работ и исследований, связанных с уничтожением людей. Однако рецензируемая монография показывает односторонность обоих подходов. Бутенандт не участвовал в медицинских преступлениях режима и не был пропагандистом нацистской расовой политики, но он активно использовал огромные ресурсы, предоставляемые ему нацистским режимом, для максимального расширения своего исследовательского поля в контексте идеологизированной научной практики. Будучи тесно связанным с фармацевтической промышленностью, Бутенандт смоделировал свое поведение при нацистах таким образом, что оно обеспечило ему успешную карьеру и после войны. Этому способствовали его уникальный талант общаться с людьми, завязывать нужные контакты в разных кругах и формировать вокруг себя сложные социальные сети, сохраняя при этом свою автономность и не участвуя в неблагоприятных делах. В частности, он в течение долгого времени сохранял дружбу с Фершвером, но в то же время сам дистанцировался от его экспериментов. После войны Бутенандт активно добивался возвращения в Германию изгнанных нацистами биологов, включая и своего предшественника на посту директора Института биохимии ОКВ К. Нейберга.

Вместе с тем важно отметить, что Бутенандт не был простым приспособленцем ко всем режимам. Определенная идеология лежала во всей его жизненной стратегии, характерной для многих биологов так называемого военного поколения. Хотя ему по молодости лет не пришлось участвовать в Первой мировой войне, которая окончилась, когда Бутенандту было 15 лет, но он хорошо помнил хаос первых лет Веймарской республики и чувство националь-

---

¹⁰ Adolf Butenandt und die Kaiser-Wilhelm-Gesellschaft. Wissenschaft, Industrie und Politik in «Dritten Reich» / Hg. W. Schieder & A. Trunk. Göttingen: Wallstein Verlag, 2004. 450 S.

ного унижения. В связи с этим он считал своим патриотическим долгом участвовать в оборонных проектах, хотя и не разделял политику и идеологию Гитлера. При этом он лично никогда не участвовал в каких-либо мероприятиях по уничтожению людей и не использовал в своих экспериментах людей или человеческие органы.

Судьбы Нахтсгейма и Бутенандта показывают, что, приспосабливаясь к требованиям времени, биологи фактически продолжали в основном прежние исследования, облакая свои заявки в идеологические одежды, которые от них требовали национал-социалисты. При этом ученые умело эксплуатировали их потребности и представления о возможностях науки. Оставшиеся в нацистской Германии биологи быстро усвоили традиции, стиль поведения, язык и аргументацию нацистов. Сразу после прихода нацистов к власти желающих вступить в НСДАП было так много, что руководство партии в апреле было вынуждено ввести мораторий. Адаптация биологов к национал-социализму четко проявилась прежде всего в областях, где была тесная связь между эволюционной теорией, генетикой, особенно евгеникой и антропологией, с одной стороны, и расовой гигиеной и расоведением – с другой. Однако и другие отрасли науки претерпели быстрые метаморфозы при нацистах, которые сразу приступили к нацификации всех отраслей культуры, науки и образования. Значительная часть научного сообщества охотно пошла на это: одни – идентифицируя себя с национал-социализмом, другие – адаптируясь к его практике.

Концентрационный лагерь Освенцим считается символом преступлений нацистов в области медицины. Национал-социализм, сняв запрет на вивисекцию и летальные эксперименты над людьми, дал возможность биологам и врачам в Освенциме проводить варварские эксперименты над заключенными. Их заставляли пить соленую воду, подвергали экстремальным температурным воздействиям, помещали в условия низкого или высокого давления, производили трансплантацию органов, испытывали непроверенные вакцины. Все это экспериментаторы-врачи делали не из садистских побуждений, а ради приобретения нового знания для спасения жизней немецких солдат. Испрашивая у Гимmlера разрешение на эксперименты с летальным исходом, профессор Г. Дойшл писал: «Я желал бы принести в жертву 500 большевиков, чем подвергнуть опасности жизнь хотя бы одного немецкого солдата». Так думали многие звезды биомедицинских наук, включая тех, кто оставался политически индифферентным при нацистах.

Среди огромного количества книг и статей, посвященных Освенциму, труд «Свидетельство об Освенциме. Биологические науки и опыты над людьми в институтах Общества Кайзера Вильгельма. Документы симпозиума»¹¹ бесспорно займет достойное место, на основе обширного архивного материала демонстрируя связь академической биологии с практикой убийства людей. Труды профессиональных историков науки (В. Шидер, Г. Маркл, Дж. Лакс и др.) удачно дополнены публикациями пяти свидетелей-подопытных из числа заключенных Освенцима, передающих эмоциональную атмосферу исследовательских лабораторий фабрики смерти. Так, например, патолог М. Нисли (Nyiszli), еврей из Венгрии, добровольно помогая Й. Менгелю, однажды ана-

¹¹ Der Verbindung nach Auschwitz. Biowissenschaften und Menschenversuche an Kaiser-Wilhelm-Instituten. Dokumentation eines Symposiums / Hg. C. Sachse. Göttingen: Wallstein Verlag, 2004. 336 S.

томировал четыре пары близнецов-цыган возрастом около 10 лет, трое из которых имели глаза разного цвета. Из-за редкости явления геторохромотина их умерщвили инъекциями хлороформа или фенола в сердце. Препараты глаз, закрепленные в формалине, послали Фершуеру. Сама процедура не вызвала протеста ни у одного ее участника. Убийство людей ради получения интересного препарата стало для них рутинной научной практикой. Они не были кровожадными монстрами, а результаты их исследований были далеко не бесполезны с научной точки зрения.

Деятельность в лагере Й. Менгеле, ученика выдающегося специалиста в области генетики близнецов О. Ф. фон Фершуера, который убивал близнецов, а изготовленные препараты посылал своему учителю, занимает особое место в книге. Ей посвящена и специальная статья Б. Массина. До сих пор точно неизвестно, знал ли Фершуер о происхождении препаратов и обстоятельствах их получения. Скорее всего, он не мог не знать, и действовал совместно с Менгеле, осознавая, что участвовал в летальных экспериментах над людьми. В конечном счете сотрудничество с нацистами привело и его, академического генетика, к прямому участию в убийстве. Связь Менгеле с главой самого уважаемого в Третьем рейхе академического института в области антропологии и генетики человека показывает, как легко был пройден путь от чистой науки через ее идеологизацию и политизацию к обыкновенному убийству. Преступные опыты над людьми имели свою логику. Со временем всем участникам начинало казаться, что ничего особенного не происходит. Умерщвления людей рассматривали как обыденную научную работу.

В статьях Г. Баадера, Р. Винау, Б. Гауземайер еще раз продемонстрировано, что национал-социализм в биолого-медицинских науках был естественным результатом развития немецкой биологии в области экспериментирования над человеком. В то же время он снял все этические препятствия для ранее немыслимых экспериментов с телом и органами человека, отдав его безоговорочно в руки экспериментатора. Это не только открыло новые возможности в изучении человека, но и стало стимулом к формированию новых институтов, междисциплинарных связей и социальных сетей в биологии и медицине, а также новых способов их взаимодействия с властью и обществом. К чему это приводит рассказано в статье П. Вайндлих о выживших в этих экспериментах, а также материалах Нюрнбергских процессов.

В 2005 г. в качестве отдельного тома журнала «Осирис» вышла книга под редакцией К. Саксе и М. Уолкера, в которой отдельные институты и программы ОКВ сравнивают с аналогичными структурами в Италии, Норвегии, США, СССР, Франции, Швейцарии, Японии¹². В основном все главы новой книги были синхронно организованы и сфокусированы на событиях, происходивших в научных сообществах разных стран во время Второй мировой войны. В сравнительном плане здесь обсуждаются проблемы мобилизации биологии, а также «наука без границ».

Все рецензируемые книги особенно важны для историков, изучающих взаимодействие науки с властью, обществом, а также влияние на поведение ученых политики и идеологии. На судьбе одного из старейших и авторитетнейших научных сообществ мира видно, что при тоталитарном режиме в Герма-

---

¹² Politics and Science in Wartime. Comparative International Perspectives on the Kaiser Wilhelm Institute / Ed. C. Sachse & M. Walker // Osiris. 2005.

нии немецкие биологи отнюдь не были пассивной, страдающей стороной, как это еще недавно принято было изображать. Напротив, многие из них активно участвовали в формировании новых отношений между наукой и национал-социалистическим государством, в разработке и реализации научной политики, в осуществлении социально-политических утопий и даже в преступлениях против человечества. Большинство из оставшихся в Германии биологов охотно согласились с изменениями своих функциональных ролей и общественно-го статуса, приняв на себя роль разработчиков научных основ политики и идеологии нацизма, осознав духовное единство с ним и вступая колоннами в его организации и союзы. Это неизбежно сказалось на тематике и на языке научных исследований, ритуалах научных мероприятий, ценностях и традициях научного сообщества, стиле поведения ученых. В период денацификации, правда, они все стремились изобразить себя жертвами нацизма. Особенно усердствовали в этом те, чья научная карьера удачно сложилась в Третьем рейхе, прежде всего за счет вступления в национал-социалистическую партию, эсэсовские и штурмовые отряды, а также борьбы с неарийскими учеными и мнимыми противниками «немецкой науки». Но не следует забывать и о том, что и остальные биологи в поиске новых форм взаимоотношений с государством старались с максимальной выгодой для себя воспользоваться намерениями властей развивать определенные отрасли знаний, важные для обеспечения экономической и военной мощи, для идеологического оправдания своей политики, для решения задач внешней и внутренней политики.

Им удалось убедить власти в необходимости финансовой и материальной поддержки крупномасштабных проектов как необходимых для процветания государства и реализации его политико-идеологических целей. В то же время провалилась попытка нацистов централизовать научные исследования, превратив науку в важнейший элемент политики и идеологии, в мощный инструмент военной индустриализации. Стремление регулировать и контролировать все научные исследования не только не обеспечило победу нацистам во Второй мировой войне, но нанесло непоправимый ущерб самой немецкой биологии, потерявшей целое поколение потенциальных ученых в результате расовых и идеологических чисток гражданских служащих, политизации школ и университетов, а также огромных человеческих жертв в ходе боевых действий. Опыт немецкой биологии в XX в. явно свидетельствует в пользу здорового консерватизма при реформировании науки и ее институтов. Новые формы организации науки и ее отношений с государством и обществом нередко таят в себе зародыши других более глубоких кризисов. Немало подтверждений этого тезиса можно найти в недавней истории немецкой биологии.

Изучение специфических политических, социальных, экономических и культурных условий формирования, организации и практики научного знания и его использования во времена Третьего рейха шло главным образом на примере биохимии, генетики, эволюционной теории, антропологии, экологии и др.

Изучение взаимосвязей исследований медико-биологического комплекса с идеологией и практикой нацистов позволило выяснить связь расово-гигиенических и генетических исследований с расовой и демографической политикой национал-социалистов.

В то же время «союз» национал-социалистической идеологии и биологии для многих ученых был лишь способом диалога с лидерами Третьего рейха, идеологической адаптацией к его реалиям. Ведь симпатии биологов к нацио-

нал-социализму слабели с приближением поражения, которое обозначило конец нацистской биологии. Ученые заговорили, что их заставили вступить в национал-социалистические организации, что они пошли туда, чтобы бороться с крайностями расизма и сохранить традиции в науке. И в этом многие из них были правы. Верность науке порождала пластичность в адаптации к политико-идеологической среде и позволяла продолжать научные исследования при всех режимах от кайзеровского рейха до объединенной Германии. Сама денацификация в области биологии была проведена весьма поверхностно. Она неизбежно была формальной, так как почти все крупные биологи официально приняли идеологию нацизма. В зонах, оккупированных западными державами, практически все активные деятели нацистской биологии сохранили свои кафедры и руководство институтами. Не слишком сильно отличалась ситуация и в Восточной Германии. Победителей везде интересовали специалисты, их научная классификация и труды, а о военных преступлениях и тем более о политическом коллаборационизме забывали, если сами ученые были нужны новому порядку.

В целом новые книги по истории биологии ОКВ в Третьем рейхе ввели в научный оборот большой массив архивной документации и содержат немало оригинальных идей. Их значение выходит далеко за рамки обсуждаемых тем, так как связаны с поиском ответа на более глобальную проблему, порожденную развитием науки в XX в. Почему же ученые, в том числе и первоклассные, столь охотно шли на сотрудничество с преступной властью, участвуя в «людоедских» проектах. Благодаря рассмотренным книгам окончательно стала ясной мифологичность прежних объяснений о «мягко» и «жестко» идеологизированных науках, о «героях и злодеях науки», об ученых «жертвах», «пособниках» и «инициаторах» преступлений нацистского режима, о биологах «под Гитлером», «при Гитлере», «с Гитлером» и т. д. Есть что-то в самой науке, заставлявшей ее представителей легко попираť общечеловеческие нормы и ценности, когда для этого возникает подходящая социально-политическая и идеологическая обстановка.